

Василий СКРИПОВ

ДОРОГАМИ ПИНТУРИККИО

Василий Скрипов
Дорогами Пинтуриккио

«Издательские решения»

Скрипов В.

Дорогами Пинтуриккио / В. Скрипов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939336-4

Книга «Дорогами Пинтуриккио» включает в себя эссе разных лет, посвященные путешествиям по Италии, европейским странам и по России. В разнообразных зарисовках объединены дорожные впечатления, любовь к искусству (автор по первому образованию — художник) и личные воспоминания. Первая часть сборника посвящена Италии и ее мастерам живописи. Во второй части рассказывается о путешествиях по Европе и США. В третьем разделе «В родном краю» собраны эссе о любимых автором уголках России.

ISBN 978-5-44-939336-4

© Скрипов В.
© Издательские решения

Содержание

ПУТЕШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ ПЕРЕВЕРНУЛО МОЮ ЖИЗНЬ	6
«ПОД МИРТАМИ ИТАЛИИ ПРЕКРАСНОЙ»	9
ДОРОГАМИ ПИНТУРИККИО	9
ВЕНЕЦИЯ: ОСТРОВА СЧАСТЬЯ	14
ВЕНЕЦИЯ: ОСТРОВА СМЕРТИ	18
ВСТРЕЧИ С ФРА АНДЖЕЛИКО	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дорогами Пинтуриккио

Василий Скрипов

*Посвящаю светлой памяти
моих родителей*

© Василий Скрипов, 2018

ISBN 978-5-4493-9336-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЕШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ ПЕРЕВЕРНУЛО МОЮ ЖИЗНЬ (вместо вступления)

*Снова тоска пространства
Птиц поднимает с Нила,
Снова над полем брезжит
Призрачный дым скитанья...*
Олег Чухонцев

Импульс для написания этой книги дала мне одна ключевая поездка в Италию, после которой появилось эссе «Дорогами Пинтуриккио». Произошло это, когда мне уже стукнуло 50 лет, в 2011 году.

И с этого момента я пропал! Меня закрутил водоворот путешествий. На склоне лет я вкусил сладость самостоятельных странствий. Как писал Пушкин: «По прихоти своей скитаться здесь и там, дивясь божественным природы красотам, и пред созданными искусствами и вдохновенья трепещи радостно в восторгах умиленья»...

Однако это не значит, что до золотого юбилея я не любил путешествовать. Напротив, с самого детства обожал поездки куда угодно – хоть на автобусе в областной центр, куда меня иногда возили из родного уральского городка родители, хоть на лодке к дальнему концу нашего огромного пруда, где начинались дремучие леса.

И тем более нравились мне вояжи на поезде через полстраны, когда учился в Павловске под Ленинградом. Каждый год по нескольку раз из Ленинграда на Урал, на каникулы и обратно. Да и внезапные вылазки во время учебы с павловскими друзьями в Таллин, Ригу, Минск, Москву, Кизи, Выборг, Новгород, каникулы в Крыму – конечно, помнятся...

Последующая жизнь в Москве и работа в редакции журнала «В едином строю» Всероссийского общества глухих дали мне возможность съездить в командировки во многие города России и ближнего зарубежья. Конечно, между командировкой и самостоятельной поездкой – большая разница. И все-таки каждый раз, приезжая в незнакомый город, испытывал ни с чем не сравнимое ощущение первооткрывателя.

А зарубежные впечатления – они пришли очень поздно, когда мне перевалило за четвертый десяток. Однако поначалу это были не вольные путешествия. То я ехал по работе вместе с коллегами или с друзьями, то по путевке с супругой в составе экскурсионных групп. В этих случаях вас от начала до конца опекает заботливый гид или руководитель делегации, вас встречают в аэропорту и отвозят куда надо, вас водят по городу и музеям за ручку. В результате вы иногда даже не замечаете, каким маршрутом ехали-ходили. Так предо мною промелькнули Хельсинки, Париж, Вашингтон, Нью-Йорк. Пока не случилась Италия...

Три магнита, которые тянут меня в путешествия – это любовь к Италии, созерцание творений искусства и смакование пейзажей.

Мое пристрастие к Италии не ново – мало кто из русских писателей и художников не попал под чары этой блаженной страны. Да и не только русских – достаточно вспомнить Стендаля и Гете, бесчисленных англичан и скандинавов, околдованных Италией. В ней есть все составляющие, влекущие меня бродить по ее дорогам, – и великие произведения искусства, которых тут такой переизбыток, что жизни не хватит, чтобы все посмотреть. И удивительное разнообразие потрясающих пейзажей, на которые я всегда был большим охотником, еще

со времен моей художественной юности. И благословенный теплый климат, словно в мифической Аркадии...

Умбрия и Тоскана – с них начались мои вольные путешествия. Далее везде по итальянскому сапогу... И я вошел во вкус, познав сладость «свободного плавания». За несколько лет исколесил десятки городов в Италии, Германии, Нидерландах, Бельгии, Франции, Австрии, Греции, Турции, Испании, Португалии, Болгарии. Не всегда в одиночку, чаще с женой. Но мы оба получали удовольствие от постоянного перемещения во времени и пространстве. От того, что могли ни от кого не зависеть, выбирая маршрут и способ передвижения, ошибаясь и участь на своих ошибках, бродя по незнакомым городам и открывая все новые жемчужины архитектуры и искусства, прихотливо меняя планы (хотя в основном все заранее рассчитывалось и взвешивалось перед поездкой).

Но то умбрийское путешествие осталось для меня самым захватывающим. С него началась моя тяга к неизведанным тропинкам и местам, к свободе скитаний, и главное – к творениям художников, которых я знал ранее в основном по репродукциям в альбомах и книгам по истории искусства.

Однако иллюстрация в книге – и живая встреча с картиной – согласитесь, две большие разницы. И вдобавок – знакомство с местами, где жил и творил художник, его современники. А еще – город и здания, сохранившиеся со средних веков и воссоздающие атмосферу того времени, виды на окружающую природу, знакомую по картинам мастера. Так возникает даже не любовь – а чувство сопричастности, внутренней связи с картинами и судьбой то одного, то другого живописца, скульптора, архитектора.

Созвучие своим ощущениям я нашел у Гете, который сказал: «Тот, кто хочет понять поэта, должен побывать в его стране», – то же самое можно сказать о художниках и их творениях, накрепко входящих в душу в окружении тех самых пейзажей, что служат фоном их картин...

В городах Умбрии сохранилось много картин и фресок Перуджино и Пинтуриккио. В истории искусства они не занимают первостепенное место, особенно Пинтуриккио, но достаточно побывать в Перудже и окрестных городах, встретиться в галереях и храмах с их живописью, чтобы ощутить симпатию к их мягкому колориту, гармонии красок и внутреннему покою произведений этих мастеров.

Позднее мне посчастливилось побывать в музеях многих стран, вбирая в себя сокровища живописи как давно любимых Рембрандта, Веласкеса, Вермеера, Брейгеля, Ван Гога, так и заново открытых Джотто, Мазаччо, Беллини, Тинторетто, Джорджоне, Фра Анджелико, отца и сына Липпи, Гирландайо, Караваджо, Тициана, Рогира ван дер Вейдена, Климта... И тем не менее я никогда не забывал умбрийских мастеров и с радостным узнаванием встречал их работы в Лувре, Брере, Ватикане, Венском музее и даже в таких маленьких галереях, как в Монтефалько, Сан-Джиминьяно или Пиенце...

А что же наши, родные российские художники? Разумеется, я их любил и знал с юности. Просто они были такими давно знакомыми, такими близкими, всегда доступными, что не казались открытием. И все же именно после итальянских фресок и мастеров Проторенессанса я новыми глазами увидел и Андрея Рублева, и Феофана Грека, и Дионисия. К тому же начал паломничество по российским монастырям и храмам, знаменитым своими фресками. Об этом – некоторые эссе в моей книге.

И наконец, я не мог обойти вниманием свою малую родину – Урал, где прошло мое детство и юность, и куда я возвращаюсь каждый год. Там мои корни, там похоронены мои родители – Тамара Васильевна и Петр Павлович, брат Анатолий, светлая им память. Жива

моя старшая сестра Нина, которая дает мне пример стойкости и любви к жизни, дай ей Бог здоровья.

А на жизненном пути меня поддерживают моя жена Алла и сын Максим с невесткой Ануш. Этой книги, как и многих моих путешествий, могло бы не случиться, если бы не их деятельная любовь и присутствие в моей жизни. И душа радуется, глядя на чудесных внушек Веронику и Алису, им тоже посвящены отдельные главы книги.

С признательностью хочется поблагодарить моих друзей и коллег Ярослава Пичугина, Виктора Паленного, Виктора Карепова, Тамару Шатулу, которые помогали в подготовке книги, а также Юрия Грум-Гржимайло, давшего ряд ценных советов по изданию сборника.

Добавлю, что люблю перечитывать книги путешествий Павла Муратова, Генри Мортон, Павла Ипполитова, Петра Вайля, путевые записки Стендаля и Гете, так что их можно назвать моими спутниками и учителями.

Едва я возвращаюсь из очередного путешествия, как меня тянет в следующее. «Призрачный дым скитанья», как писал Олег Чухонцев, снова и снова брезжит передо мной и зовет «тоска пространства». Те, кто вошли во вкус странствий, поймут меня. «Путешествие – это увлекательный путь к себе», – точно заметил кто-то из писателей. Впечатления от блужданий по странам и городам лучше сохраняются благодаря фотографиям, сделанным в пути, и запискам, легшим в основу книги. Как сказал Петр Вайль, «путешествовать и молчать об этом – глупо. Более того – невозможно». Вот я и не молчу...

Надеюсь, что у меня впереди таких путешествий будет еще немало...

«ПОД МИРТАМИ ИТАЛИИ ПРЕКРАСНОЙ»

ДОРОГАМИ ПИНТУРИККИО

Честное слово, это получилось спонтанно. Отправляясь в путешествие по волшебной стране Умбрии, я не знал, что Пинтуриккио был глухим. Точнее, читал когда-то, когда еще не увлекся Италией, но со временем это знание выветрилось, как не имевшее для меня в то время большого значения.

Гораздо больше значило для меня детское воспоминание о картине Пинтуриккио, увиденной в давнем фильме «Достояние республики». Портрет мальчика в красном камзоле, с грустным и задумчивым взглядом, тонкой и изящной работы, на фоне дымчатого итальянского пейзажа, завораживал.

Действие фильма разворачивалось в России, раздираемой Гражданской войной, вокруг найденной коллекции картин, которую украшал этот портрет. И когда герой Андрея Миронова, которого бандиты заставили стрелять в эти шедевры, предпочел умереть, пытаясь спасти великие полотна, это поражало. Потрясла эта жертвенность – картины дороже, чем своя жизнь. Тогда, в детстве, это не укладывалось в голове, но запомнилось навсегда. Как и необычное имя мастера...

МАДОННА В СПЕЛЛО

Тихий маленький городок Спелло по соседству со знаменитым Ассизи. Узкие извилистые улочки, карабкающиеся на холм. Раскаленные камни и стены. Необычный памятник Святому Франциску у входа в храм. Распахнутые двери собора Санта-Мария Маджоре, пустого в полуденную сиесту. Спасительная прохлада и безлюдье.

Слева от входа – несколько фресок Пинтуриккио в нише (капелла Бальони), и пользуясь безлюдьем, я сфотографировал их. Как прочитал в путеводителе, это один из шедевров позднего периода творчества художника. 1501—1503 годы. Более 500 лет отделяло меня от того времени, но мне чудилось – я вхожу в эту картину, где на дальнем плане, сквозь причудливые арки, манят пейзажи Умбрии, те самые, что видны за стеной церкви.

Наглядевшись и наснимав досыта, огляделся. В полутемном храме слева от алтаря – дверь в часовню, над которой в рамке – снимок другой картины, очевидно, кисти того же Пинтуриккио. Увы, дверь была закрыта, ведь я пришел сюда в часы перерыва, когда все итальянцы уходят на сиесту. Спасибо еще, что сам храм оставили открытым.

Но что если попробовать? Толкаю дверь – она легко распахивается. В глубине капеллы вижу небольшой образ Мадонны, но здесь темно, и разглядеть как следует сложно. Подхожу поближе... Неожиданно вспыхивает свет, и Мадонна проступает из полумрака. Я обращаюсь, ожидая увидеть за спиной священника, укоряющего меня, что вошел без спроса. Но сзади – никого. Делаю шаг назад, и свет гаснет. Ага, значит, это просто фотоэлементы срабатывают. В других итальянских храмах, чтобы включить освещение шедевров, надо опустить в автомат один или два евро. Здесь бесплатно. Но рядом вижу ящичек для пожертвований, и благодарно опускаю туда монетку.

Вновь делаю шаг вперед. Лицо Мадонны озаряется светом. Стою, наслаждаясь созерцанием прекрасного лика Богоматери, совершенной живописью и уединением. Если бы я попал сюда с толпой туристов, впечатление было бы совсем иным. Бывают в жизни такие удивительные моменты, когда душа переполнена и чувствуешь Божье присутствие рядом с собой, независимо от того, в храме какой конфессии ты находишься в этот момент.

Много замечательных картин с мадоннами повидал я за свои полвека, но та, что в Спелло, по красоте, одухотворенности и нежности стала для меня в один ряд с ликами Богоматери, созданными Рафаэлем («Сикстинская мадонна») и Джованни Беллини (совершенные по чистоте образы в храмах Венеции).

УРАЛ И УМБРИЯ

Холмы Умбрии в какой-то мере напомнили мне родные уральские горы. Не потому ли мне так близки мне дымчатые пейзажи, виднеющиеся на задних планах многих картин умбрийских живописцев, особенно Перуджино и Пинтуриккио? Правда, на Урале, в отличие от Умбрии, все холмы покрыты густым лесом, и там гораздо больше рек да озер. На умбрийских холмах угнездились маленькие средневековые городки, а знаменитые итальянские реки Тибр и Клитумн, бегущие по местным долинам, в теплое время года едва различимы.

Зато какое наслаждение бродить по старинным узеньким улицам, где все дышит древностью, и заходить в храмы, где почти всегда найдется какая-нибудь жемчужина эпохи Возрождения. А то и несколько в одном храме, как мне попались в Спелло – в двух соседних базиликах нашлись неожиданно для меня фрески и Пинтуриккио, и Перуджино. Да и сами по себе средневековые городки, зачастую называемые здесь «борго», то есть деревушки, – словно жемчужины...

Есть особое наслаждение в путешествиях – вбирать в себя образ не просто какой-то отдельной картины, но в единстве с храмом, где она находится, площадью, на которой тот стоит, городом и ландшафтом, в которых органично существуют площадь с храмом и произведением в нем. Мы привыкли любоваться великими шедеврами в музеях и галереях, но если бы «Сикстинская мадонна» красовалась не в Дрезденской галерее, а в капелле Сикста в Ватикане, для которой и была написана, она бы производила еще большее впечатление.

Как, например, поразительная фреска Пьеро дела Франческа «Воскресение Христа», оставшаяся в его родном городе Сансеполькро, неотделимая от тихих улочек и площадей скромного тосканского городка, у подножия холма над долиной Тибра. Не случайно искусствоведы с удовольствием признают в этой картине на заднем плане узнаваемые приметы местного ландшафта...

И ЖЕСТОВОЕ ИМЯ...

Кто же он, этот не слишком знаменитый, но чудесно одаренный мастер Пинтуриккио? Местный он, умбрийский уроженец, родом из Перуджи. Годы жизни – 1454—1513, умер в Сиене, настоящее имя – Бернардино ди Бьетто ди Бьяджо. А Пинтуриккио – прозвище, став-

шее его основным и вечным именем. Звучит красиво и музыкально, а в переводе означает всего лишь «малышка». Пренебрежительно, но в другом варианте перевода – еще хуже – «коротышка»... А прозвали так потому, что был Бернардино, как вспоминают современники, маленьким, глуховатым, невзрачным человеком.

Отсюда и другое прозвище художника – Сордиккьо (от итальянского «сордо») – глухой). Среди итальянских мастеров в ходу были прозвища, подобно тому, как у современных глухих – жестовое имя. Под этими «кликухами» художники входили в историю живописи навсегда. Чаще всего эти прозвища были связаны с названием города, в котором художник жил. Пьетро Вануччи, признанный лидер итальянской живописи того времени, живший в столице Умбрии Перудже, знаком всем под именем Перуджино. И благодарный город назвал его именем улицу, поставил памятник на лучшей площади, откуда открывается замечательный вид на умбрийские дали. Его ученик Пинтуриккио тоже удостоен улицы (а вот памятника ему я не нашел), и их картины служат главной приманкой Национальной галереи Умбрии в Перудже. Еще один ученик Перуджино – Рафаэль часто пишется «из Урбино», по имени родного городка недалеко от Умбрии.

О личной жизни глухого художника известно не слишком много, семья не упоминается, вероятно, он прожил жизнь в одиночестве. Зато о его произведениях пишут много, и оценки знатоков противоречивы, от обвинений в поверхностности образов – до признаний в гениальности Пинтуриккио (называли его «вторым, не имеющим себе равных», после Перуджино).

Интересную характеристику творчества глухого живописца дает Александр Бенуа, историк искусства: «Ни одной драматической ноты мы не встретим у него. Все здесь праздник, все улыбка – та милая, но чуть мучительная улыбка, что застывает на губах глухих, старающихся не подать вида, что они не слышат». Довольно метко подмечено...

Единственный автопортрет Перуджино находится как раз в Спелло, в храме Санта-Мария Маджоре. Этот портрет написан на стене, под фреской «Благовещение», одной из лучших созданий Пинтуриккио, и очевидно, он сам гордился этой работой, если запечатлел здесь свой облик как автограф. При всей безмятежности взгляд художника на автопортрете выдает затанную печаль...

В самой Перудже находится всего одна работа Пинтуриккио – но это полиптих из восьми картин, он предназначался для алтаря в церкви Санта-Мария дель-Фосси, а ныне – в музее. Прекрасен центральный образ Богородицы с младенцем, но меня более всего привлекли две миниатюры в нижних углах алтаря. На них Святой Августин и Святой Иероним изображены на фоне чудесных умбрийских холмов с городами и выющимися змейками дорог.

Не случайно ли так одухотворен и манящ пейзаж на картинах Пинтуриккио? Не был ли ему ландшафт более близок и понятен, чем люди, окружавшие его? Ведь глухого художника называют одним из лучших тогдашних мастеров пейзажа, а Бенуа пишет, что «В истории пейзажа Пинтуриккио мог бы занимать первенствующее место, как автор первых «чистых пейзажей в Италии, если бы эти пейзажи, украшавшие залы Ватиканского Бельведера, дошли до нас». Однако «чистые пейзажи» мало кто ценит и понимает...

ПО СЛЕДАМ МАСТЕРА

Долина Умбрии – словно огромная чаша, по краям которой на возвышенностях лепятся городки, и из каждого из них можно в ясную погоду любоваться тем, что видишь на противоположном краю чаши. Но прозрачный воздух бывает здесь редко, испарения со дна долины

заволакивают пространство дымкой даже в ясный день, и кампаниллы вдалеке зыблются сквозь марево, еле угадываясь...

Сполето. Римские развалины, античный театр, домик матери императора Веспасиана. Узкие улочки, ведущие в гору к мощной, но невыразительной крепости Рокка Альборциона, которая властвует над городом и долиной. Чуть ниже ее примостился величественный собор Санта Мария Ассунта, который прославил своими фресками монах-живописец Фра Филиппо Липпи (здесь же он и похоронен). Но для меня не меньший интерес представляла и единственная здесь фреска Пинтуриккио (1497 год). К сожалению, она плохо сохранилась, краски во многих местах осыпались, обнажив штукатурку. Но главное – центральный образ Мадонны с младенцем и ландшафт с озером и башнями неведомого города (возможно, как раз Сполето) – сохранились хорошо. И глядя на еще один шедевр глухого мастера, думаешь, что эта просветленность и очарование, запечатленное им в лике Богоматери на этой и многих других работах, осеняла и спасала его одинокую жизнь.

Одно из лучших мест в Умбрии – дорога, поднимающаяся к Монтефалько. Не случайно в переводе это название означает «Соколиная гора».

Хотя в этом маленьком «гнезде» есть уникальная картинная галерея местных живописцев, я не нашел в ней работ Пинтуриккио. Но красота здешних мест так захватила меня, что я не выдержал и сошел с автобуса на обратном пути, чтобы своими ногами пройти дорогами умбрийских художников. Ведь очевидно, что и глухой мастер, и Перуджино не раз шагали по этим пыльным полям и тропинкам, пробираясь между виноградников, высоких дубов и оливковых рощ. Потому что при всем обилии городов Умбрии и разнообразии ландшафтов – она совсем небольшая по размерам – гораздо меньше Московской области, не говоря уж об Урале.

Проезжающие автомобилисты недоуменно оглядывались на одинокого путника, который брел вдоль шоссе, то уходя в виноградники, то замирая перед заброшенной фермой на отшибе. Завидев крестьян, собирающих виноград, я осторожно подошел к ним и спросил разрешения сфотографировать их. Ответом стали широкие улыбки и приглашающий жест. А на прощание труженики Умбрии подарили мне увесистую гроздь черных ягод. Между прочим, местное вино Монтефалько Сагрантино известно как одно из самых-самых в Италии...

СИЕНСКИЙ ЦИКЛ

От Умбрии до Тосканы рукой подать – они ведь соседи, и от Перуджи до Сиены можно доехать на машине за час-полтора, и среди туристов Тоскана гораздо более известна и посещается, но лично мне умбрийские города и ландшафты кажутся душевнее.

Впрочем, когда останавливаешься перед собором Сиены, все сравнения забываются. Этот храм – чудо, и его можно разглядывать бесконечно как снаружи, так и внутри.

Впервые я попал сюда несколько лет назад с поспешной экскурсией из Флоренции, и меня страшно возмутило, что гид, проведя нас по Сиене, так и не дал возможности хоть на десять минут заглянуть в собор. Только прошли мимо его сахарных стен, разглядывая прихотливый каменный узор статуй и арок. Но теперь, приехав сюда снова и спокойно рассмотрев все сокровища собора, его музея и баптистерия, понимаю, что мимоходом сюда заходить – смертный грех.

Даже пол собора особенный – на нем нанесены десятки мозаичных рисунков разных мастеров (среди них есть и по эскизу Пинтуриккио), черными вкраплениями по белому мрамору, так что весь пол – словно огромная гравюра или рисунок тушью на бумаге. Но это дано

увидеть немногим – для сохранения мозаик они закрыты тканями, и только несколько дней в году их открывают для обозрения...

Однако мое внимание приковали не только мозаики, скульптуры Микеланджело, великопная Маэста, исполненная сладостным Дуччо, а вновь Пинтуриккио.

В соборе есть библиотека Пикколомини (был такой Папа Пий II, который правил в Риме всего 27 дней), и после его смерти племянник, архивариус в Сиене, решил прославить жизнь дяди, заказав цикл росписей в библиотеке. Выбор пал на Пинтуриккио, в то время одного из самых востребованных в Италии живописцев. Он брался за многие заказы, и как пишет Вазари, «быстро заканчивал работы, выполняя их, может быть, и хуже, чем тот, кто работает обдуманно и не спеша».

Не спору, стиль Бернардиньо можно назвать поверхностным и декоративным, тем не менее, сиенские росписи вошли в историю культуры Возрождения как один из самых лучших фресковых циклов. Впрочем, что нам историки и искусствоведы? Ведь самое главное – личное впечатление? Так я разглядывал эти фрески едва ли не больше, чем весь остальной собор. В них есть и искусно выстроенные многофигурные сцены, и удивительные лица современников художника, и пейзажи в легкой умбрийской дымке, зовущие вдаль (даже в Тоскане умбриец остался верен своей малой родине). И даже Вазари, который явно недолюбливал Пинтуриккио (может, завидовал, ведь они жили в одно время, и заказов Вазари перепало мало), признавал, что тот превосходно умеет рассказывать истории в своих картинах.

СВЕТ НЕЗАКАТНЫЙ

Да, немало заказов выполнил Бернардиньо, и особенно много фресок он написал в Риме. Если в Сикстинской капелле Ватикана на прославленных фресках Перуджино еще не стоит его подпись, то это понятно – он был еще малоизвестным помощником своего учителя. Зато позже, когда слава Пинтуриккио превзошла сияние Перуджино, папа Александр IV Борджиа именно его выбрал для росписи своих апартаментов. Вот тут глухой мастер работал уже со своими учениками (1493—1494 годы), и оставил после себя такие шедевры как «Благовещение», чем-то напоминающее одноименную работу в Спелло.

Широко известны также его работы в римском храме Санта-Мария дель Пополо, созданные им в 1503 году. Но, пожалуй, самая проникновенная и теплая работа Пинтуриккио – небольшая Мадонна с младенцем, хранящаяся в Пинакотеке Ватикана. А тот самый «Портрет мальчика», о котором я писал вначале, уехал далеко от Умбрии: он хранится в Дрезденской галерее...

Закат в Сиене надо смотреть на колокольне кафедрального собора, точнее, на его недостроенной стене. С высоты этот удивительно сохранивший средневековый дух старинный город смотрится как на ладони. Прямо внизу под вами – круглая площадь Кампо, где проводятся знаменитые Палио – конные скачки, где соревнуются все контрады городской общины.

Совсем недалеко – руку протянуть – городские стены обрываются, и начинаются плавные линии холмов Тосканы и аллеи кипарисов. То тут, то там видны строения ферм или вилл. Последние лучи солнца озаряют выпуклости земли, верхушки деревьев, и вот все скрывается в тени. Только огромная башня Торре дель Манджа еще ловит солнечный свет, посылая отражение созерцателю. Так и искусство Пинтуриккио, ушедшего во тьму веков, посылает нам сквозь все времена вечный незакатный свет...

ВЕНЕЦИЯ: ОСТРОВА СЧАСТЬЯ

Первая встреча с Венецией – это как первая любовь. Потому и ехать в Серениссиму надо не в одиночку, а с любимым человеком. Впрочем, это прописная истина...

Это путешествие стало для нас с женой фейерверком счастья, карнавала, масок, солнца... Поездка оказалась двойным праздником – мне незадолго до этого стукнул полтинник, а для того, чтобы угодить супруге, я подгадал вояж в Венецию на 8 марта (куда же без романтики на таком романтическом острове). И так удачно вышло, что эти пять дней совпали с окончанием знаменитого венецианского карнавала.

Уже сама дорога в Венецию врезалась в память своей необычностью. Мы прилетели в Римини (сэкономили на билетах), затем электричкой (с пересадкой) поехали на остров. Пересадка была в Болонье, но поскольку дело происходило в субботу, поезд оказался переполнен. Все хотели попасть на карнавал. Мы с трудом нашли места в уголке вагона. Электричка останавливалась на каждом полустанке, и вскоре все проходы и тамбуры оказались забиты местным людом и туристами. На следующих остановках прибывали новые толпы, и все каким-то образом утрамбовывались, благодаря кондукторам, которые с платформы командовали потесниться тем, кто стоял внутри вагона. Такую давку в электричке мне доводилось видеть прежде только однажды – в советские времена на поезде Симферополь – Бахчисарай.

И все же не всем удавалось попасть внутрь вагонов. Помню оставшуюся на платформе рыдающую девочку в карнавальной платьице, которую утешали родители. Надеюсь, она все же доехала в этот день до Венеции.

И вот вокзал Санта Лючия. Выходим с толпой на улицу и перед глазами – ослепительное солнце, блеск солнечных зайчиков на канале и впечатляющий купол храма Сан-Симеоне Пикколо – прямо напротив вокзала. И тут же, у лестницы, повсюду торговцы предлагают наряды и маски, визажисты-мейкаперы раскрашивают лица всех желающих, в основном детям. Карнавальный шабаш в самом разгаре!

Но дальше, дальше, скорее купить билет на вапоретто и плыть на Гранд-канал, на Пьяццу Сан-Марко, в гущу карнавала! Катер несет нас по легендарным венецианским артериям, а я, позабыв про все на свете, ловлю в объектив этот волшебный блеск на волнах, эту игру света на старинных палатках и храмах, эти бесчисленные кораблики и гондолы, эти таинственные закоулочки, открывающиеся на миг по бокам главного пути, где виднеются узенькие каналы со своими соблазнами и дворцами...

Как нельзя кстати тут подходят венецианские строки Александра Кушнера:

*Знаешь, лучшая в мире дорога
Это может быть, скользкая та,
Что к чертогу ведет от чертога,
Под которыми плещет вода
И торчат деревянные сваи,
И на привязи, черные, в ряд
Катафалкоподобные стаи
Так нарядно и праздно стоят...*

Опускаю детали, как мы забросили вещи в свой отель. Главное, что мы вскоре были на Пьяцце Сан-Марко, когда солнышко еще не зашло. И на каждом шагу нам улыбались своими застывшими гримасами маски, маски, маски... И каждый раз я хватался, словно за пистолет, за фотокамеру. И сейчас, спустя пять лет, многие из них помнятся благодаря кадрам, словно живые...

Больше всего запала в память незнакомка в «таинственной холодной полумаске», в сиянии парчового платья, прошедшая мимо нас на Набережной Неисцелимых, когда низкое солнце обрисовывало ее силуэт контровым светом, и от этого вокруг ее головы возник золотой ореол. Конечно, мне вспомнилась блоковская Незнакомка...

А разве менее впечатляюща была дама в черном роскошном наряде, увенчанная огромной шляпой с перьями, с лукавыми глазками, стреляющими из прорезей маски, позирующая на маленьком мосту где-то в Каннареджо, на фоне еще одной падающей колокольни? «И шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука...»

Ну конечно, их было много, прекрасных и пленительных незнакомок, влекущих тем сильнее, чем таинственнее были их маски (надеюсь, что моя супруга не заметила этой моей заинтересованности). Впрочем, и таинственных рыцарей здесь хватало, одного из них, в костюме средневекового венецианского дожа и в маске с огромным кривым носом-клювом, я снял рядом с Аллой, весьма этим довольной.

Но пожалуй, еще больше восхищали дети, в карнавальных нарядах и головных уборах, но без масок, со своей детской непосредственностью восторженно глядящие на праздничные толпы, на сказочные декорации по берегам Большого канала. Эти курносые и горбоносые, смуглые и светлокожие, рыжие и чернявые, мальчишки и девчонки казались мне воплощением своего собственного детства, когда из книг мне открывались неведомые земли и моря, когда встречавшаяся в приключенческих романах Венеция казалась выдуманной, мифической страной, словно из сказок 1001 ночи, и представлялось немыслимым, что эта фантазмагория когда-нибудь станет явью, и я пройду воочию по ее берегам, по краешку мечты...

Самое большое счастье в Венеции – все же не карнавал и маски. Самое сладкое – брести вместе с любимым человеком куда глаза глядят под ласковым весенним солнышком, наслаждаясь отсутствием толп и без четкой цели – куда-то туда, куда манят повороты калле и каналов, к ближайшей колокольне и туда, где меньше народу...

Так получилось у нас спонтанно на следующий день, после того, как мы насладились венецианской живописью в Галерее Академии, и пошли прочь от центра, по району Дорсодуро, по берегам водных артерий, поворачивая направо и налево, счастливо заблудившись в улочках и переулочках. Но разве заблудишься в Венеции? Вскоре мы вышли к храму Сан-Себастьяно, расписанному Веронезе, в котором тот и похоронен... Тут и фрески, и картины на холсте, выделанные в резной потолок церкви, и скромная гробница веронского гения...

А дальше, выйдя из храма Веронезе, мы повернули к набережной Дзаттере, и не успев удивиться, оказались на Кампо Сан-Базилио. Вот так сюрприз! Алла с лукавой усмешкой покосилась на меня. Впереди, за каналом, лежал остров Джудекка, а направо, за проволочной оградой, высился грузовой терминал с надписью «Сан-Базилио», и перед ним стоял памятник композитору – нет, не Базилио, а Вивальди – трио бронзовых музыкантов, вдохновенно играющих на скрипках...

Веронезе, Тициан, Тинторетто, Джорджоне, Джованни Беллини, Карпаччо... Каждый из них оставил в Венеции свой след, и не один – в храмах, музеях, галереях. А некоторые церкви и здания стали персональными памятниками кому-то из этих художников. Так вот, счастье блуждания по Венеции вдвойне увеличивалось поиском живописных сокровищ – от храма к храму.

О Веронезе и церкви, ставшей его мавзолеем, я уже упоминал. Памятником Тициану можно назвать базилику Фрари, где возносится к небесам неповторимая Ассунта, и есть еще один шедевр великого маэстро цвета.

Тинторетто обессмертил свое имя Скуолой Сан-Рокко, покрыв стены двух этажей сюжетами на любой вкус, хотя и не всегда лучшего качества. Но в первую очередь для меня символ этого здания и всего творчества Тинторетто – фантастически динамичное, неистовое «Распятие». И есть еще один храм великого венецианца – церковь Мадонна Дель Орто в Каннареджо, где Тинторетто похоронен, и в котором еще несколько шедевров необычайно плодовитого, не всегда ровного, но, несомненно, гениального мастера.

А Джованни Беллини стал после Венеции одним из самых любимых для меня художников. Его потусторонние задумчивые мадонны, словно ушедшие в иное измерение, запали в мою душу накрепко. Они встречались нам во многих венецианских храмах (в том числе и в той же Фрари – прелестная «Мадонна Пезаро»), и в галерее Академии. Но самое совершенное, на мой взгляд, его произведение здесь в храме Сан-Дзаккария – алтарный образ, на котором у подножия трона с Богородицей и младенцем запечатлены святые и музицирующий ангел.

Однако еще более, чем сокровенные мадонны, тронула меня картина Беллини другого рода – «Пьета» во Дворце Дожей. Иисус распластан на коленях матери, кажущейся почти старухой, чей лик – некрасивый, полустертый, соединяет в себе и опустошение, и примирение с судьбой. А за ними – сумрачный итальянский пейзаж с горами и городами, охристо-коричневый, но дороги, выходящие вдаль, в глубь картины, оставляют надежду, что все это – только начало пути...

Позже мне говорили друзья, что такой солнечной и промытой, как у меня на фотографиях, Венеция редко где встречается, не похожа на себя, кажется непривычной, ведь чаще Серениссима дождлива и туманна. Не берусь судить об этом, но с погодой нам действительно повезло, для марта было очень тепло и сухо (хотя смешно говорить о сухости, бродя по морским набережным). Только однажды нахлынул утром туман с севера, и я, оставив спящую жену в отеле, бегал по малолюдным в ранний час каналам, ловя классические венецианские виды в объектив фотокамеры.

А в остальные дни – сплошной поток солнечных лучей.

Помнится, как в один из последних дней мы, сев в вапоретто, пересекли Гранд Канал и высадились у Сан-Джорджо Маджоре, идеального шедевра Палладио, так величественно выглядящего с Пьяцца Сан-Марко, и поднялись на его высоченную колокольню, чтобы оглядеть весь этот город – тонущий шедевр со шпилями и куполами, распластавшийся перед нами, словно всплывшая рыба.

И надо же было так совпасть, именно в этот момент через канал прошествовал гигантский круизный лайнер, с двумя десятками палуб, белоснежный и сверкающий, загородив нам всю панораму, поскольку верхние палубы оказались вровень с нашей площадкой на колокольне. И тут я поневоле вспомнил похожие мотивы в книгах Павла Муратова и Александра Степанова. Летейские воды...

Взглянув налево, можно было мысленно улететь на восток – туда, где нас ждал дом, а совсем рядом, под носом, чуть наискосок и немного ниже колокольни, блестел на закате купол Иль-Риденторе – еще одного творения Палладио, возведенного в честь избавления Венеции от чумы в XVI веке. И статуя Спасителя, венчающая купол храма, незбылемо стоящая на его верхушке, казалось, поворачивала к нам свое мраморное лицо...

Корабль прошел, и перед нами вновь открылись во всем своем залитом солнцем великолепии острова счастья. И базилика Сан-Марко с ее византийскими мозаиками и трофейными бронзовыми конями. И кампанилла, которую пришлось после обрушения возводить заново. И символ Венеции – крылатый лев, сиротливо ютящийся на верху колонны. И бесчисленные палаццо с храмами, покосившиеся колокольни, все еще цепляющиеся за свайные фундаменты... Вновь вспоминаются стихи, на этот раз – Иосифа Бродского:

*Шпили, колонны, резьба, лепнина
арок, мостов и дворцов; взгляни на-
верх: увидишь улыбку льва
на охваченной ветром, как платьем, башне,
несокрушимой, как злак вне пашины,
с поясом времени вместо рва.*

ВЕНЕЦИЯ: ОСТРОВА СМЕРТИ

Из пяти дней, проведённых в Венеции, этот длинный, солнечный, но пронизанный духом смерти день, вспоминается чаще всего.

Потому ли, что он был посвящен поездке на остров Сан-Микеле, на могилу Иосифа Бродского, обретшего здесь покой вместо Васильевского острова?

Потому ли, что по пути туда и далее, на затерянный и опустелый остров Торчелло, нам попадалось так много потусторонних примет?

Потому ли, что вечером, бредя по краю мрачного, еле освещенного канала в Дорсодуро, я узнал по мобильнику о смерти одного из старых питерских друзей?

А утром, когда мы с женой вышли из своего отеля на Кампо Санта-Марина, так ласково светило мартовское солнышко, так нежно сияли мраморные стены изящной церквушки Санта-Мария Мираколи, в которую мы заглянули по пути. Каменная шкатулка – так ее называют в путеводителях. Маленькая икона с Богоматерью. Византийские мотивы. Любящий взгляд мадонны, направленный на свое дитя.

Канал, еще канал. Мостик, еще мостик. И вот перед нами внушительный готический фасад Сан-Дзаниполо. То есть это укороченное название храма Санти-Джованни-э-Паоло. Не совсем по пути к причалу нужного нам маршрута вапоретто, но пропустить такую жемчужину (собор ордена доминиканцев построен в XIII веке) никак нельзя. Здесь похоронены десятки венецианских дождей, и у каждого – громадные мраморные гробницы, с шедеврами скульптуры. Но для меня главное – что тут есть фрески Веронезе и полиптих Джованни Беллини.

И тут вижу, как на борту одного из корабликов, пришвартованных у берега канала, огромный баклан клюет кровавые останки своего собрата. Сам ли он прикончил птицу, или просто прилетел на тризну, неизвестно. Удары клювом сильные, методичные, безжалостные. Как у дятла. Потом баклан подхватывает кусок мяса и деловито заглатывает...

Входим в храм Дзаниполо. Однако внутри служитель преграждает нам вход – идет отпевание. В проходе стоит гроб, на скамьях несколько десятков людей, одетых в траур. Еще одна смерть. Гуляя по Венеции, мы часто замечали на стенах зданий приклеенные скромные листочки с портретами старых людей и датами прощания, с указанием храма, где состоится заупокойная служба.

Значит, нам не удастся посмотреть на фрески. Пока изучаем гробницу дожа Пьетро Мочениго, которую создал скульптор Пьетро Ломбардо. Она примечательна тем, что дож не лежит на саркофаге, как на других памятниках в этом храме, а стоит словно живой, в окружении пажей и оруженосцев (до избрания дожем Пьетро был командующим венецианским флотом). На одном из барельефов изображен эпизод передачи кипрской Фамагусты под власть Венеции – это было при его правлении в 1475 году...

Тут же, в Дзаниполо, есть скромный памятник Маркантонио Брагадину. Он не был дожем, но возглавлял героическую оборону Фамагусты в 1571 году, когда сотысячная турецкая армия почти год не могла взять крепость. И только после того, как венецианцев осталось в живых совсем немного, Брагадин выкинул белый флаг. Но турецкий султан, приняв капитуляцию, подло обезглавил офицеров, а с Брагадина заживо содрали кожу...

Вскоре панихида кончается, и туристов пускают к капеллам, где Веронезе и Беллини. Картины Веронезе размещены на потолке Капеллы Четок. Тусклое освещение не позволяет насладиться подробностями, но впечатляет самая большая – «Вознесение Марии», где художник лихо закрутил сложную пространственную перспективу. У меня создается полное впечатление, что это прямо надо мной распахивается небесный свод, где в вышине ангелы уносят Марию в горние выси... Кстати, изначально в этой капелле были другие произведения – Тинторетто, Пальмы Младшего, Бассано, Беллини и Тициана, но в 1867 году все они были уничтожены пожаром. Какая потеря для искусства! Поэтому после ремонта сюда перенесли картины Веронезе из другой церкви...

А полиптих Беллини в правом нефе собора знакомит со святым Винсентом Феррером, которого почитают монахи-доминиканцы, он прославился в XV веке своими непримиримыми проповедями в Испании и Франции. Из девяти частей полиптиха самые интересные – три нижних картины – маленькие, но заполненные десятками фигур людей, перед которыми Винсент читал проповеди.

Теперь можно и дальше, к причалу вапоретто. А на площади у храма скопилась небольшая толпа провожающих покойника в последний путь. У берега канала качается траурный катер. Мы идем прочь, вдоль канала, и через несколько минут нас обгоняет этот плавучий катафалк, на нем только два человека и гроб. Неужели никто не сопровождает усопшего?

Вот он, остров Сан-Микеле, совсем недалеко от набережной, где мы ждем вапоретто, в нескольких сотнях метров. Чайки кружат на фоне длинных стен кладбища. Приближается купол кладбищенского храма, мы выходим с корабля на берег. Путь до могилы Бродского долог и извилист, даром что остров небольшой.

«...Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, На Васильевский остров я приду умирать...» А на деле Иосиф так и не вернулся на Васильевский, да и место погребения выбрала его вдова Мария. Что ж, вполне логично, учитывая любовь поэта к Венеции, которая заменила ему родной град Петра. А погост на Сан-Микеле как раз напоминает строки из другого его стихотворения:

*Когда умру, пускай меня сюда
Перенесут. Я никому вреда
Не принесу, в песке прибрежном лежа.
Объятий ласковых, тугих клеишей
Равно бежавшему,
Не отыскать нежней,
Застыраннее и безгрешней ложа...*

Шляпа на могильной стеле. Необычно и забавно. Снять шляпу перед великим поэтом? Или это он сам снял шляпу перед тем, как прилечь отдохнуть? Несколько букетов цветов на могиле, записная книжка. Можно представить, что по ночам тень Иосифа выходит на воздух, надевает шляпу, берет блокнот и бродит по кладбищу, поглядывая на силуэты венецианских колоколен и куполов. И записывает новые стихи? Поэтому я положил на могилу блокнот и авторучку. Где-то прочитал, что есть такая традиция...

Для меня поэзия Бродского стала во времена перестройки ошеломляющим открытием. Многие его стихи сразу накрепко засели в памяти и не забываются до сих пор, особенно написанные им в молодости и вскоре после отъезда из Советского Союза. Его горькая, мелодичная интонация, многослойность, связь с античностью и отсылки к Державину, Донну, мировая всеохватность производят неизгладимое впечатление. И часто в тех или иных ситуациях мне приходят на ум те или иные строчки Бродского.

*Пусть меня отпоет
хор воды и небес, и гранит
пусть обнимет меня,
пусть поглотит,
мой шаг вспоминая,
пусть меня отпоет,
пусть меня, беглеца, осенит
белой ночью твоя
неподвижная слава земная.*

После Сан-Микеле мы отправились на остров Торчелло. Это самый дальний и самый древний остров Венецианского архипелага. Здесь начиналась Венеция, когда другие острова еще не были заселены – в V – VI веках. Нашествие гуннов заставило обитателей материка искать укрытия на пустынных островах лагуны.

Сейчас Торчелло – вновь, как и до заселения, пустынный и мертвый остров. Заросший травой и кустарником плоский кусок земли, ныне на нем остались только старинный собор Санта-Мария Ассунта, чья история ведет начало с 639 года. Небольшая церковь Санта-Фоска XI века, да пара маленьких ресторанчиков по пути к причалу – для тех редких туристов, что добираются сюда.

Прямо под открытым небом у собора – каменный трон Агиллы – такой же простой, грубый и неотесанный, каким был, видимо, и вождь гуннов. В середине V века его войско razорило местные поселения. Но Торчелло опустел не из-за Агиллы, а потому что позже островитяне предпочитали селиться на центральных островах лагуны. Плюс болотная сырость и малярия выкосили местное население.

Но собор с высокой колокольней остался как свидетельство богатого города с дворцами и многотысячным населением. Внутри сияют золотом чудные византийские мозаики XII века – простые, в наивном стиле ранних икон, лики Христа и апостолов, пестрые орнаментальные одеяния на носатых ангелах, строгий лик Богоматери...

От Торчелло до Венеции плыть недалеко – около часа. Солнце садилось как раз над силуэтами венецианских храмов и палаццо, вода казалась золотой от закатного света, легкое марево уходящего теплого дня струилось над водой. Армия деревянных свай, напоминающая частокол в подмосковной деревушке, тянулась между нашим катером и блистательной Серениссимой, к которой мы приближались.

Это солнце, золото, купола на горизонте, впечатления длинного дня навевали мысли о бессмертии. Смертны люди, поэты, храмы, города, но остается все то же море, солнце, закаты и восходы... И тут завибрировал мобильный телефон в кармане куртки. На экране проступили буковки смс-сообщения: «Валерий умер вчера, похороны завтра...»

Солнце вскоре зашло, и к набережной Кастелло мы причалили в полутьме. Пока шли к Сан-Марко, совсем стемнело, и редкие фонари едва освещали черную воду каналов. Я вспоминал Валеру, большую часть своей жизни прожившего в Ленинграде-Петербурге, но никогда не бывавшего не только в Венеции, но и вообще за границей.

Набережная Неисцелимых – так можно было бы назвать его Заневскую сторону, на одном из проспектов которой он жил. Ведь из-за болезни последние годы жизни Валера совсем не выходил из дома. Заядлый книголюб, умный и ироничный, блестящий шахматист, он тихо угасал в четырех стенах своей комнаты общежития. Когда я навещал его во время редких приездов в Питер, он говорил: «Жить мне осталось недолго», но я не принимал это всерьез, мне казалось, что от болезни суставов не умирают. Тем более что его супруга, благодаря заботам которой он держался за жизнь, оставалась неизменно оптимистичной и доброжелательной. Ее можно было назвать ангелом-хранителем Валеры. Лариса успевала и трудиться на двух работах в типографии, и вести хозяйство – готовила для мужа и следила за порядком в комнате, где помимо их, обитали еще старший брат Валерия и две кошки.

Когда жена с братом уходили на работу, Валера оставался один. Впрочем, не совсем так. Тот, кто с детства привык бродить по книжным мирам, не бывает одиноким и всегда внутри свободен. А еще у него был молчаливый партнер по шахматам – компьютер, с которым Валера разыгрывал бесконечные комбинации. В шахматах он был дока, в молодости легко обыгрывал и меня, и других ребят из ЛВЦ, участвовал в соревнованиях, получил то ли второй, то ли первый разряд.

Грустный взгляд умных черных глаз – таким Валерка мне помнится. Когда я увидел в мадридском Прадо картину Веласкеса «Шут Себастьян де Морра», то поразился сходству королевского шута с моим другом – та же глубокая затаенная печаль в глазах, та же лепка носа и лица, тот же мудрый взгляд познавшего боль и утраты человека.

Кто знает, кем был Валерий в прошлой жизни, и кем будет в последующей...

Венецианские закоулки по вечерам освещаются не слишком ярко, и чем дальше от туристских троп, тем более скудно там со светом. Так что когда мы брели за мостом Риальто по берегам маленького канала Рио делла Фава, вода в нем казалась непроглядной черной дырой, и только одинокий тусклый фонарь качался на ветру у поворота, рассыпая блики по летейским водам.

Свернув на Калле деи Парадизо, мы спугнули крысу, которая темным силуэтом проскользнула прочь, в зловещую черноту венецианских теней, царящих в этом потустороннем городе на воде, словно на берегах Стикса. И сами собой всплыли в памяти строчки Бродского из стихотворения «На смерть друга»:

*...Может, лучшей и нету на свете калитки в ничто.
Человек мостовой, ты сказал бы, что лучшей не надо,
Вниз по темной реке уплывая в бесцветном пальто,
Чьи застежки одни и спасали тебя от распада.
Тщетно драхму во рту твою ищет угрюмый Харон,
тщетно некто трубит наверху в свою дудку
протяжно.*

Посылаю тебе безымянный прощальный поклон

с берегов неизвестно каких. Да тебе и неважно.

ВСТРЕЧИ С ФРА АНДЖЕЛИКО

Есть в Риме необычный храм, куда я захожу почти каждый раз, когда бываю в Вечном городе. Санта-Мария-сопра-Минерва. Он рядом с Пантеоном, у обелиска со слоном, созданным Бернини.

В этой церкви похоронен живописец Фра Анджелико. На каменной плите с профилем мастера выбита эпитафия: «Здесь покоится достопочтенный художник Фра Джованни из Ордена проповедников. Пусть хвалою мне будет не то, что казался я вторым Апеллесом, но что все, чем владею, отдал Тебе, о Христос. Иные творения живы на земле, другие на небе. Город Флоренция, Этрурии цвет, дал мне, Джованни, рождение».

Он действительно отдал жизнь и талант служению Христу – Фра Анджелико был одним из тех редких художников, которые совместили искусство и служение Господу. У меня с его именем связано несколько незабываемых впечатлений в итальянских путешествиях.

Вспоминаю монастырь Сан-Марко во Флоренции. Я ходил по кельям этой монашеской обители, в каждой из которых на стене осталась фреска, написанная Фра Беато Анджелико или его учениками. Более сорока келий и фресок. И от них зрителю передается ангельское просветление и искренняя вера, с которой их писал художник. Каждая картина – словно приглашение к частной, уединенной молитве, одинокому созерцанию, разговору с Богом.

Самая совершенная и трогательная – «Благовещение». И самая известная из работ Анджелико. Входишь на второй этаж, где размещаются кельи монастыря – и сразу с лестницы она встречает вас – прямо на стене напротив входа. Архангел с радужными крыльями, прилетевший с благою вестью, и Мария, испуганно-смирненно встречающая посланца. Еще одна версия «Благовещения» – внутри одной из келий дальше по коридору. Там более сдержанный колорит, и действие происходит в замкнутом пространстве сводчатой комнаты, похожей на монастырскую. Кроме Марии и архангела, присутствует еще одно лицо – доминиканский монах. Не себя ли изобразил художник?

На первом этаже – небольшая картинная галерея, где еще несколько работ Фра Анджелико (не фрески, а алтарные образы и иконы). Благовение вызывает Табернакль Линайоли, где Мадонна с младенцем сияют неземной прелестью на золотом фоне. Знаменитый полиптих «Снятие с креста», где на дальнем плане прорисованы нежные тосканские холмы, а с левой стороны – городские здания, напоминающие Флоренцию. Именно здесь художник единственный раз изобразил себя – в образе грустного бородатого монаха, помогающего снимать тело Христа. Но это только предположение искусствоведов, хотя оно и не лишено оснований...

В одном из залов – огромная многофигурная фреска «Распятие», которую можно разглядывать очень долго – так сосредоточены и погружены в свои думы святые и апостолы вокруг распятия.

Трудно забыть этот монастырь, эти простые, немного наивные, но исполненные с глубокой внутренней силой, фрески и картины. Это памятник на все времена, который создал один художник. И создал не для своей славы, а во имя Господа. Как писал Николай Гумилев в стихотворении, посвященном Фра Анджелико:

*Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.*

Ангельский брат. Так переводится церковное прозвище Фра Анджелико, с добавкой Беато (Блаженный). Его настоящее имя – Гвидо ди Пьетро, он родился в Муджелло, недалеко от Флоренции, около 1400 года. В 18 лет стал монахом в монастыре во Фьезоле и получил монашеское имя Джованни да Фьезоле. Юноша выполнял иллюстрации для церковных книг, и ему разрешали брать заказы для алтарей. Одним из первых стал алтарь для церкви Сан-Доменико во Фьезоле (1428), где он и начал свое послушание. Интересно, что потом, на склоне лет, он вновь вернулся в родной монастырь во Фьезоле – уже в качестве настоятеля...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.